

Павел Андреевич Федотов

1815 - 1852

Выполнила: Воробьева Юлия Владимировна, учитель ИЗО ,
МБОУ-СОШ №1

Р.п. Степное, Советского р-на, Саратовской области.

Родился будущий художник в Москве в семье титулярного советника. Его первые детские впечатления формировались в общении с мелкочиновничьей и купеческой средой, с которой были связаны родные и близкие.

Отец, старый суворовский солдат, готовил сына к военной карьере. И потому десяти лет от роду мальчик был определен в московский Кадетский корпус, который он блестяще окончил, после чего направлен в Петербург, на службу в лейб-гвардии Финляндский полк.

Здесь молодой офицер в первое время закружился в вихре петербургской светской жизни, но скоро понял, что с его скудными средствами ему нельзя тянуться за товарищами. Да и давний интерес Федотова к живописи в Петербурге еще больше окреп. И вместо балов он начал посещать вечерние классы Академии художеств.

Пребывание в Корпусе, а затем знакомство с полковыми нравами давали будущему художнику богатый материал. Ранние работы Федотова изображают обычно сцены казарменной жизни, портреты офицеров и близких знакомых. С добродушным юмором высмеивает он в своих несложных набросках неполадки воинского быта. Но уже в этих ученических рисунках ощущается неизменное стремление к правде.

В 1844 г. Федотов оставляет военную службу, чтобы свободно заняться живописью. С выходом в отставку он вынужден довольствоваться скромным ежемесячным содержанием в 100 рублей. Большую часть этой суммы он отсылал родным в Москву. Остальное уходило на художественные материалы и скромную жизнь в маленькой квартирке из двух комнат: в одной была мастерская и спальня художника, в другой жил его денщик Коршун.

Прогулка. Групповой портрет: П. А. Федотов в форме офицера лейб-гвардии Финляндского полка, А. И. Федотов (отец художника), А. И. Калашникова (сводная сестра художника). 1837. Акварель

В 1847 году им была написана первая картина, которую он решил представить на суд профессоров. Картина эта называлась "Свежий кавалер". "Утро чиновника, получившего первый крестик" и представляла чиновника, еле опомнившегося после пирушки, данной им по случаю получения ордена.

Сам чиновник изображен в убогом халатике, с головой, завитой в папильотки, необутым и пререкающимся с кухаркой, которая показывает ему проносившиеся подошвы его сапог. Под столом виден один из вчерашних гостей, спросонья наблюдающий за домашней сценой. В общей композиции чувствуется прямое влияние английских жанристов, особенно в трактовке сюжета.

Еще более последнее влияние чувствуется на другой картине "Разборчивая невеста", написанной на текст известной басни Крылова. В этих произведениях не могли не признать истинного таланта даже такие ярые поклонники монументальной живописи, как Брюллов, и советовали Федотову продолжать занятия в том же направлении.

На выставке 1849 года впервые появились и эти две картины, и новая, гораздо более совершенная — "Сватовство майора". За последнюю картину художника удостоили званием академика. Публика с нескрываемым удивлением и восторгом стояла перед этими картинами: это было новое откровение, новый мир, открытый художником. До сих пор русская жизнь, как она есть, во всей ее реальной откровенности, не появлялась еще в живописи. Картина Федотова была написана в тех красках, в каких Гоголь писал свою Женитьбу, опередив на несколько лет Островского с его высокохудожественными образами из

Центр картины занимает
невеста, одетая в
широкое кисейное платье
1840-х годов

**Дочка в жизнь в
первый раз,
Как боярышня у нас,
Ни простуды не боясь,
Ни мужчин не
страшась,
Плечи выставила
напоказ.
Шейка чиста,
Да без креста.**

А извольте посмотреть,
Как наша невеста
Не найдет сдуру места:
"Мужчина чужой!
Ой, срам-то какой!
Никогда с ними я не бывала,
Коль и придут, бывало, -
Мать тотчас на ушко:
"Тебе, девушке, здесь не
пристало!"

Век в светличке своей я высокой
Прожила, проспала одинокой;
Кружева лишь плела к
полотенцам,

И все в доме меня чтут
младенцем!

Гость замолвит, чай, речь...

Ай, ай, ай! - стыд какой!..

А тут нечем скрыть плеч:

Шарф сквозистый такой -

Всё насквозь, на виду!..

Нет, в светлицу уйду!"

И вот извольте посмотреть,
Как наша пташка собирается
улететь;

А умная мать
платье ее хватя!

**Мать, одетая по-
купчески, в шелковом
повойнике, поймала ее
за платье;**

**Только хозяйка
купца
Не нашла, зная, по
головке чепца.
По-старинному - в
сизом платочке.**

**ключница, нянька и
горничная суетятся у
закусочного стола**

**А вот извольте посмотреть,
Как жениха ждут,
Кулебяку несут
И заморские вина
первейших сортов
К столу подают.**

**А вот и самое панское,
Сиречь шампанское,
На подносе на стуле стоит.
А вот извольте посмотреть,
Как в параде весь дом:
Всё с иголочки в нем;**

**Сваха в шелковом
шугае, с неизбежным
платочком в руках,
стоит в дверях,
оповещая о женихе**

**А вот извольте
посмотреть,
Как, справа, отставная
деревенская пряха,
Панкратьевна-сваха,
Бессовестная привираха,
В парчовом шугае,
толстая складом,
Пришла с докладом:
Жених, мол, изволил
пожаловать.**

**Сам жених виден в открытую дверь:
это бравый усатый майор, в котором
отчасти можно уловить черты лица
самого художника. Равнодушным к
общему переполоху остается только
котенок, занимающий самый
первый план картины и беззаботно
умывающийся на паркете
купеческой гостиной.**

**И вот извольте
посмотреть,
Как в другой
горнице
Грозит ястреб
горлице, -
Как майор
толстый, бравый,
Карман дырявый,
Крутит свой ус:
"Я, дескать, до
денежек
доберусь!"**

Мысль о картине « Вдовушка» зародилась у Федотова (и, верно, сразу с названием) еще в Москве, когда с бессилием терзался над судьбой сестры Любиньки, мучившейся при жизни мужа, а теперь, после его смерти, повергнутой в пучину новых бедствий — долгов, нищеты, да еще в ожидании готового вот-вот явиться на свет ребенка. Уже тогда употребил он в письме к Дружинину слово «вдовушка», использовав свойство, кажется, одному русскому языку свойственное — придавать ласковый оттенок уменьшительному обороту.

**На переднем
плане
разместилась
Вдовушка,
облокотившись
на комод.**

**Вещей немного. Стул,
придвинутый к
опечатанной двери, на
стуле свеча. Постель.
На всем болтаются
ярлыки с печатями.**

Только несколько вещей остались не поруганы казенным сургучом. Это комод красного дерева, а на нем портрет мужа (тут Федотов не удержался, написал себя самого, только в гусарском мундире), образ Спаса, корзинка с яркими мотками ниток для вышивания, шкатулка, папка, из которой высовывается нотный листок, толстая книжка с закладкой, да еще на полу прислоненные к комоду пальцы бережливо обернутые чистой тряпицей.

Это маленький островок— то немного, что у Вдовушки осталась— кусочек ее прошлой жизни, состоявшей из незатейливых радостей и необременительных забот.

Вслед за «Вдовушкой» Федотов создает картины «Анкор, еще анкор!» (1851-1852 гг.) и «Игроки» (1852 г.). Они не похожи на все предыдущие работы художника. В них он отказывается от развитого действия — содержание как бы уходит в подтекст. Живопись становится выразителем душевного состояния — тревоги, тоски, подавленности и духовного опустошения. Свеча в сумерках интерьера — довольно выразительная деталь и быта, и жизни в целом. Сентенция художника: «Они убивают время, пока оно не добьет их» относится непосредственно к персонажам «Анкора...» и «Игроков». Люди — жертвы «пустого времени». Лица заменены масками, фигуры — манекенами. Возникает страх от ощущения эфемерности происходящего. Сам художник, подобно своим героям, бьется в это время в тисках нужды, непонимания, безрадостного

Напряженная нервная жизнь и несчастная влюбленность содействовали развитию в художнике тяжелой психической болезни. Весной 1852 года его характер круто изменился; из веселого он сделался задумчивым, стал говорить, что много времени прошло, много воды утекло, но что еще не поздно, пока есть еще фашины и камни, еще можно задержать течение.. Для того чтобы добыть средства для жизни и работы Федотов повторил "Сватовство майора" и получил за него очень почтенный куш, но все эти деньги он истратил без толку, на всякий вздор. Когда все деньги вышли, тогда только приятели догадались, что художник ненормален и нуждается в строгом надзоре. Его пришлось поместить в лечебницу для душевнобольных, и там он окончил свое грустное существование, изредка посещаемый приятелями, иногда кроткий, иногда буйный, с руками, скрученными назад. Хоронили его 18 ноября 1852 года, и большая толпа почитателей шла за его гробом. Плакал и убивался на его могиле больше всех его денщик Коршунов.